

Дни одиночества

Автор:

Элена Ферранте

Дни одиночества

Элена Ферранте

“Дни одиночества” – это тонкая и психологически выверенная проза, итальянский роман о женщине, которую бросил муж, оставив ее с двумя детьми и собакой. Ольга, главная героиня, она же и рассказчица, проходит через тяжелейшее испытание, едва не скатывается от горя и унижения в безумие, но удерживается на краю пропасти и продолжает жить – и любить. Создавший образ этой женщины автор, Элена Ферранте, – личность загадочная, предпочитающая оставаться в тени своих книг. Неизвестно даже, пользуется ли она псевдонимом или пишет под собственным именем. Ее романы переведены на 40 языков, и в 2016 году она вошла в список 100 самых влиятельных людей мира по версии еженедельника Time.

Элена Ферранте

Дни одиночества

© 2002 by Edizioni e/o

© Е. Арабаджи, перевод на русский язык, 2020

© И. Безрукова, перевод на русский язык, 2020

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020

Глава 1

Однажды в апреле, сразу после обеда, мой муж вдруг заявил, что решил уйти от меня. В это время мы убрали со стола, дети, как обычно, ссорились в соседней комнате, а собака, тихо урча, дремала возле батареи. Он сказал, что совсем запутался и его одолевают приступы усталости, досады, а быть может, и малодушия. Он долго говорил о пятнадцати годах, что мы прожили в браке, и о наших детях; добавил еще, что ни в чем не винит ни детей, ни меня. Вел он себя по обыкновению очень сдержанно, за исключением резкого жеста рукой, когда с каким-то детским выражением лица принялся объяснять, как некие странные приглушенные голоса зовут его неведомо куда. Взяв всю вину на себя, он тихонько вышел из квартиры, а я, не в силах пошевелиться, так и осталась стоять возле раковины.

Всю ночь, одна в огромной супружеской кровати, я только об этом и думала. Сколько я ни перебирала в уме последние годы брака, я так и не поняла, из-за чего наши отношения дали трещину. Я хорошо знала мужа – человеком он был спокойным, дорожил и домом, и семьей. Нам все еще нравилось разговаривать друг с другом, обниматься и целоваться, иногда он смешил меня буквально до слез. Я просто не могла поверить, что он и в самом деле решил уйти. Вспомнив, что он не взял ничего из дорогих ему вещей и даже не попрощался с детьми, я подумала, что не стоит беспокоиться – все обойдется. Наверное, он переживал один из тех моментов, о которых пишут в книгах, – когда главный герой слишком бурно воспринимает обычную неудовлетворенность жизнью.

Кстати, это было не впервые: воспоминания нахлынули с такой силой, что я беспокойно заворочалась в постели. Однажды, много лет назад, мы и знакомы-то тогда были всего шесть месяцев, он, поцеловав меня, сказал, что не хочет больше со мной встречаться. Я была влюблена в него по уши, от этих слов у меня застыла в жилах кровь, а руки стали холодными как лед. Меня начало колотить. Он ушел, а я все так и стояла у каменного парапета Сант-Эльмо, не сводя глаз с поблекшего города и моря. Но спустя пять дней он все-таки

позвонил и смущенно сказал, что поступил так потому, что вдруг утратил смысл жизни. Эти его слова надолго запали мне в голову.

Через пять лет все повторилось. В то время мы сблизились с Джинной, его коллегой по Политеху. Это была умная и образованная женщина из состоятельной семьи, незадолго до того овдовевшая и в одиночку воспитывавшая пятнадцатилетнюю дочь. Мы всего несколько месяцев как переехали в Турин, и она нашла нам прекрасную квартиру с видом на реку. Поначалу город меня не впечатлил, он показался мне каким-то железобетонным; но скоро я поняла, как это здорово – наблюдать с балкона за сменой времен года: осенью парк Валентино из зеленого становился желтым или багряным, с деревьев неспешно облетали листья, они кружились в тумане и устилали серую гладь По; весной с реки дул резвый ветерок, поигрывавший молодой порослью и ветвями деревьев.

Я быстро освоилась на новом месте. Еще бы – ведь мать с дочерью так старались мне помочь: показали город, свели с лучшими торговцами... Но от всего этого разило фальшью. Я была уверена, что Джина влюблена в Марио. Слишком много жеманства от нее исходило; иногда я его подкалывала, намекая, что опять звонила его пассия. Он смущался, но было видно, что ему это льстит. Мы вместе подшучивали над Джинной, однако же она все прочнее входила в нашу жизнь – и дня не миновало без ее звонка. Эта женщина то просила съездить с ней куда-нибудь, то приплетала дочь Карлу, которую нужно подтянуть по химии, то разыскивала некую редкую книгу...

Стоит сказать, что она всегда была к нам весьма щедра: приносила мне и детям подарки, одалживала свою машину, давала ключи от загородного дома в Кераско, чтобы мы провели там выходные. Мы охотно все принимали – ведь это было так удобно, даже с учетом того, что мать с дочерью в любой момент могли нагрянуть и внести сумятицу в наш привычный уклад. Однако за любое одолжение нужно было платить очередной любезностью – вся эта вереница уступок опутывала нас, словно цепью. Марио превратился в наставника девочки, взвалил на себя обязанности ее умершего отца – ходил в школу разговаривать с учителями и стал даже, хотя у него было полно своей работы, заниматься с ней химией. И что тут прикажете делать? Я старалась не спускать с вдовы глаз, мне совсем не нравилось, как она брала Марио под руку и, смеясь, что-то нашептывала ему на ухо. Но в конце концов все прояснилось. Стоя в дверях кухни, я увидела, как маленькая Карла повисла на Марио в коридоре после урока и, вместо того чтобы чмокнуть в щеку, поцеловала его в губы. Тут до меня

дошло, что опасность исходит не от матери, а от дочери. Девчонка, возможно, сама того не понимая, испытывала на моем муже привлекательность своего округлившегося тела и волнующего взгляда; он же смотрел на нее, как человек, который, находясь в тени, изучает белую стену, опаленную солнцем.

Мы поговорили об этом, но спокойно. Я терпеть не могла громких криков и резких жестов. В моей семье отношения выясняли довольно бурно. Помню, как подростком я часто пряталась, зажав уши руками, в каком-нибудь уголке нашей квартиры в Неаполе, оглушенная шумом дорожного движения на улице Сальватор Роза: мне казалось, что я нахожусь внутри грохочущей жизни, которая может разлететься на куски от одной неосторожной фразы, одного неловкого движения. Поэтому я приучила себя говорить не много и по существу, никогда не спешить, не бежать за уходящим автобусом, не торопиться с ответом и заполнять паузы в беседе нерешительными взглядами и смущенными улыбками. Да и работа меня дисциплинировала. Я уехала из родного города, чтобы никогда туда больше не возвращаться, и два года проработала в бюро жалоб одной авиакомпании в Риме. Выйдя замуж, я уволилась и стала ездить с Марио туда, куда его посылали по службе. Новые страны – новая жизнь. Чтобы не выдать этого своего страха перемен, я раз и навсегда приучила себя терпеливо ждать, пока все тревожления улягутся и я смогу говорить ровным, спокойным голосом, который меня уж точно не выдаст.

Эта моя самодисциплина пришлась как нельзя кстати во время прошлого небольшого кризиса в наших отношениях. Ночи напролет мы спорили шепотом, чтобы нас не услышали дети и ненароком брошенное слово не ранило слишком глубоко. Марио говорил туманно, как пациент, который не может точно описать свои симптомы. Мне так и не удалось выведать у него, что он чувствовал, чего хотел и что ждет меня в будущем. Однажды он вернулся с работы сильно напуганным, или, может, это был не страх, а отражение испуга, написанного на моем лице? Как бы там ни было, он собирался сказать мне что-то, но вдруг, в мгновение ока, передумал и произнес нечто совершенно иное. Я в этом точно уверена, мне даже показалось, что я видела, как слова меняются прямо у него на языке. Однако я прогнала любопытство прочь и не стала выяснять, от каких именно слов ему пришлось отказаться. Мне хватило и того, что сложный период миновал – все обернулось недолгим увлечением. Я потерял смысл жизни, несколько высокопарно произнес он, прибегнув к тому же выражению, что и много лет назад. Чувство завладело им, лишив возможности видеть и слышать; однако теперь с этим покончено – больше его ничто не беспокоит. На следующий же день он отказался от встреч с Джинной и Карлой, бросил уроки химии и снова стал тем человеком, которого я знала.

Это были единственные сложные моменты нашей совместной жизни – той ночью я проанализировала их до мелочей. Затем, измученная бессонницей, я поднялась с постели и заварила ромашку. Марио так устроен, сказала я себе: годами он абсолютно спокоен, а потом какая-нибудь мелочь совершенно выбивает его из колеи. Сейчас его тоже что-то беспокоит, но волноваться не о чем – нужно просто дать ему время прийти в себя. Я долго стояла у окна и смотрела на темный парк, прижав лоб к холодному стеклу, чтобы утихомирить головную боль. Очнувшись от звука подъехавшего автомобиля. Нет, это был не Марио. Я увидела музыканта с четвертого этажа, некоего Каррано, который шагал, сгорбившись и взвалив на плечи футляр с невесть каким инструментом. Когда он исчез под сенью дворовых деревьев, я выключила свет и легла. Это вопрос нескольких дней, затем все наладится.

Глава 2

Прошла неделя, а мой муж не только не передумал, но и с каким-то безжалостным благоразумием утвердился в своем решении.

Поначалу он приходил домой каждый день всегда в одно и то же время – около четырех пополудни. Занимался детьми – болтал с Джанни и играл с Иларией, а затем они втроем отправлялись на прогулку, иногда вместе с Отто, нашей добрейшей немецкой овчаркой – чтобы пес мог порезвиться в парке, принося хозяину палки и теннисные мячики.

Я притворялась, что у меня полно дел на кухне, но всегда с волнением ждала, что Марио заглянет ко мне и объяснится, расскажет, удалось ли ему привести в порядок свои мысли. Рано или поздно он действительно заходил, но неохотно, с неудовольствием, которое с каждым разом становилось все более ощутимым. В свою очередь я следовала стратегии, выработанной долгими бессонными ночами: сцены ежедневного быта, понимающий тон, показная мягкость, местами сдобренная легкой шуткой. Марио качал головой и говорил, что я слишком добра. От этих слов я размякала и обнимала его, пытаюсь поцеловать. Он немедленно отстранялся, поясняя, что пришел только поговорить, показать мне, с кем именно я прожила все эти пятнадцать лет. Марио описывал свои детские страхи, мерзости, которые он вытворял подростком, болезненные отклонения времен ранней юности. Он старался очернить себя, и что бы я

ни противопоставляла этому его страстному самоуничижению, все было напрасно, муж непременно хотел, чтобы я видела его именно таким – ничтожеством, не способным на настоящие чувства, посредственностью, мало чего добившейся даже в собственной профессии.

Я внимательно его слушала и спокойно отвечала; я не задавала вопросов и не ставила ультиматумов, я лишь хотела дать ему понять, что он может на меня положиться. Однако под моим внешним спокойствием нарастала волна тревоги и злости, которая меня пугала. Как-то ночью я вспомнила черную фигуру из моего неаполитанского детства – полную, энергичную женщину, что жила с нами в одном доме на задворках площади Мадзини. Я часто видела, как она шла на рынок по людным улочкам и тащила за собой троих детей. На обратном пути, груженная овощами, фруктами и хлебом, она подгоняла своих отпрысков, висевших кто на юбке, кто на набитых до отказа сумках, хлесткими, задорными криками. Заметив меня на ступеньках дома, она останавливалась, опускала сумки наземь и, порывшись в карманах, раздавала нам – мне, дворовой ребятне и своему потомству – конфеты. Она производила впечатление человека, довольного собственной нелегкой долей, от нее даже всегда хорошо пахло – как от новой ткани. Ее муж, рыжий и зеленоглазый, был родом из Аbruццо. Работал он коммивояжером, поэтому постоянно колесил на своем автомобиле между Неаполем и Аквиллой. Единственное, что я помню о нем, – он всегда сильно потел и у него горело лицо, точно от кожной болезни. Иногда я видела, как он играл с детьми на балконе, мастеря им цветные флажки из папиросной бумаги до тех пор, пока жена не звала всех к столу. Затем между ними что-то приключилось. По ночам меня часто будили ее истошные вопли, от которых, как мне казалось, и дом, и переулок вот-вот распадутся на части, будто распиленные гигантской пилой. Протяжные крики и плач разносились по всей площади и терялись в сени пальм, под арками ветвей с дрожащими от страха листьями – муж ушел из дома, потому что полюбил другую женщину, из Пескары, и никто его больше не видел. С тех пор наша соседка рыдала ночами напролет. В своей кровати я слышала этот шумный плач, больше похожий на хрип, который сотрясал стены и вселял в меня ужас. Моя мать судачила об этом со своими помощницами: они кроили, шили и сплетничали, сплетничали, шили и кроили, а я в это время играла под столом булавками и мелом и повторяла про себя услышанные мною слова печали и страха, слова о том, что если не знаешь, как удержать мужчину, то все пойдет прахом; это были женские истории об отцветших чувствах и о том, что случается, когда любовь уходит и ты остаешься не у дел. Тогда женщина теряет все, даже имя. Может быть, ее и звали Эмилией, но для всех она превратилась в “бедняжку”, теперь между собой ее величали только так. Бедняжка плакала, бедняжка голосила, бедняжка страдала без своего рыжего потеющего мужа с

зелеными коварными глазами. Теребя в руках мокрый носовой платок, она рассказывала всем, что муж ушел от нее, вычеркнув из памяти и сердца. Она постоянно крутила этот свой платок в белесых пальцах и проклинала изменника, который сбежал от нее, как дикий зверь с холмов Вомеро. Такое показное горе вызывало у меня отвращение. В мои восемь лет мне было стыдно за нее. Она больше не выходила с детьми на улицу и не источала приятный запах. Теперь она скорбно несла вниз по лестнице свое высохшее тело. Она растеряла пышность груди, округлость талии и бедер; ее широкое лицо больше не светилось молодостью и улыбкой. Бедняжка стала кожа да кости, ее глаза утонули в лиловых впадинах, а руки напоминали теперь влажную паутину. Мать сказала однажды: эта женщина превратилась в сушеную рыбину. С того дня я каждый раз провожала ее взглядом, когда она выходила из подъезда без привычных сумок, словно слепая, шатаясь из стороны в сторону. Мне хотелось постичь ее новую натуру, натуру сероватой рыбы – увидеть, как блестят на ее руках и ногах крупы соли.

Вот из-за этого воспоминания я и старалась вести себя с Марио мягко и понимающе. Однако спустя некоторое время я уже не знала, как реагировать на его экзальтированные истории о детских и подростковых страхах и переживаниях. Дней через десять, когда я увидела, что и детей он стал навещать намного реже, во мне стала расти обида, к которой добавилось подозрение, что Марио меня дурачит. Мне пришло в голову, что пока я изо всех сил стараюсь выглядеть любящей женой, готовой поддержать его в трудную минуту, он не менее рьяно старается сделать так, чтобы я его разлюбила и заявила: убирайся прочь, видеть тебя больше не могу, ты мне противен.

Скоро подозрение переросло в уверенность. Он хотел убедить меня в неизбежности развода, хотел, чтобы именно я сказала, что он прав и все кончено. Но и тут я воздержалась от необдуманных поступков. Я продолжала вести себя очень осмотрительно, как, впрочем, поступала всегда перед лицом жизненных трудностей. Единственным внешним признаком моего волнения стали равнодушие к беспорядку и слабость рук: чем больше я волновалась, тем чаще все роняла.

Прошло две недели, а я так и не задала ему вопрос, который постоянно вертелся у меня на языке. Не в силах больше сносить вранье, я решила припереть мужа к стенке. Я приготовила его любимый соус с фрикадельками, тонко нарезала картофель, чтобы запечь в духовке с розмарином... В тот день готовка не доставляла мне радости, я была какой-то рассеянной: сначала порезалась

консервным ножом, а затем выронила бутылку с вином – осколки и винные потеки были повсюду, даже на желтых стенах. Ну, а потом из-за слишком резкого движения – я хотела достать тряпку – полетела на пол и сахарница. На какую-то долю секунды меня буквально оглушил шум рассыпавшегося сахара, зашуршавшего по мраморной столешнице и по полу, залитому вином. Я почувствовала себя настолько уставшей, что оставила все как есть и отправилась спать, напроць позабыв о детях и обо всем на свете, хотя было только одиннадцать утра. Проснувшись, я, хотя и не сразу, осознала, что превратилась в брошенную жену, и решила, что с меня довольно. Я машинально вылезла из кровати, навела порядок на кухне и побежала в школу за детьми, а потом вернулась домой и принялась ждать, когда же Марио заявится изображать примерного отца.

Муж пришел под вечер, и, как мне показалось, в хорошем настроении. После нескольких дежурных фраз он исчез в детской и пробыл там до тех пор, пока ребята не уснули. Выйдя оттуда, он хотел было улизнуть, но я почти силком затащила его на кухню, заманив приготовленными днем фрикадельками с запеченным картофелем. Вдобавок я щедро полила темно-красным соусом дымящуюся пасту. Мне хотелось, чтобы при виде всего этого он осознал, от чего отказывается: если он уйдет, больше ему такого никогда не видеть, не нюхать и не пробовать! Но тут моему терпению пришел конец. Не успел он притронуться к еде, как я спросила:

– У тебя другая женщина?

Улыбнувшись и нимало не смутившись, он, показывая, что удивлен столь неуместным вопросом, принялся это отрицать. Однако я ему не поверила. Я хорошо его знала, он держался так твердо, только когда врал; обычно вопросы, заданные в лоб, приводили его в замешательство. Поэтому я продолжила:

– Значит, это правда? У тебя есть другая. Кто она? Я ее знаю?

Затем, впервые с того момента, как закрутилась вся эта история, я повысила голос и закричала, что имею право знать, добавив:

– Да как ты мог давать мне надежду, если уже все решил?!

Опустив глаза и заметно нервничая, он сделал мне знак говорить потише. Теперь ему уже явно было не по себе, вероятно, он не хотел, чтобы проснулись дети. Но у меня в голове крутились все упреки, которые я так долго копила, гневные фразы выстроились в длинный ряд, и мне было наплевать, какие из них я произнесу вслух, а какие нет.

- Не буду я говорить тише, - прошипела я, - пусть все знают, как ты со мной поступил!

Он уставился в тарелку, затем посмотрел мне в лицо и произнес:

- Да, у меня другая женщина.

Потом, с неуместным рвением намотав на вилку изрядную порцию макарон, он отправил их в рот, вероятно, чтобы поскорее умолкнуть и не сболтнуть лишнего. Но главное уже было сказано - наконец?то у него хватило духу признаться. Я же ощутила в груди такую боль, что она вытеснила прочь все другие чувства. Я это поняла, когда заметила, что никак не отреагировала на то, что с ним происходило.

Он принялся жевать, по своему обыкновению очень тщательно, как вдруг во рту у него что-то хрустнуло. Он замер, выронил вилку и застонал. Потом выплюнул все, что было во рту, себе на ладонь: паста, соус и кровь, именно кровь, алая кровь.

Я смотрела на его перепачканный рот совершенно безучастно, как смотрят на слайд на экране. Вытаращив глаза, Марио быстро вытер губы салфеткой, сунул пальцы в рот и извлек оттуда осколок.

С ужасом взглянув на него, он продемонстрировал его мне, а затем вне себя от ярости, с ненавистью, которой я за ним прежде не замечала, истерично завопил:

- Значит, так? Так ты решила со мной поступить?! Вот так вот, да?!

Марио резко вскочил, опрокинув стул, но потом поднял его и несколько раз ударил им об пол, словно желая намертво пригвоздить к плиткам. Он заявил, что я всегда была душой и никогда его не понимала. Никогда, никогда я его не

понимала, и только благодаря его терпению, а может быть, и трусости мы прожили вместе так долго. Но теперь с него довольно. Он прокричал, что боится меня, потому что я подложила осколок ему в еду. Значит, я просто сумасшедшая. После этого он ушел, громко хлопнув дверью и ничуть не заботясь о том, что могут проснуться дети.

Глава 3

Сидя на кухне, я думала только о том, что у него другая женщина, что он полюбил другую. Он сам в этом признался. Затем я встала и принялась убирать со стола. На скатерти я увидела осколок стекла в кровавом ореоле. Пошарив в соусе рукой, я выловила еще два фрагмента бутылки, которую уронила утром. Тут я не выдержала и расплакалась. Успокоившись, я вылила соус в мусорное ведро. Поскуливая, ко мне подошел Отто. Я взяла поводок, и мы отправились на улицу.

Во дворе не было ни души, свет уличных фонарей терялся в листве деревьев. Я увидела длинные черные тени, разбередившие мои детские страхи. Обычно с собакой гулял Марио, где-то между одиннадцатью и полночью, но с тех пор как он ушел, я взвалила на себя и эту обязанность. Дети, собака, покупки, обеды и ужины, деньги. Все мне напоминало о практических последствиях одиночества. Мой муж отнял у меня свои мысли и желания, унес их в другое место. И отныне так будет всегда – мне одной придется заботиться о том, что раньше мы делали сообща.

Нужно что-то предпринять, нужно взять себя в руки.

Не сдаваться, сказала я себе, только бы не скатиться вниз.

Если он полюбил другую, то что бы я ни делала, все впустую: его уже ничем не проймешь. Нужно обуздывать горе, сдерживать резкие жесты и голос. Смириться с тем, что он теперь думает совсем иначе, что живет уже не здесь, что он попросту сбежал и спрятался в другом теле. Не веди себя как та бедняжка, не иссушай себя слезами. Не походи на разбитых горем женщин из нашумевшего романа твоей юности.

Перед моим мысленным взором предстала во всех деталях его обложка. Эту книгу мне дала учительница французского, когда я чересчур страстно и порывисто заявила, что хочу стать писательницей. Было это в 1978 году, с тех пор минуло больше двадцати лет.

– Прочти это, – сказала она, и я старательно выполнила ее просьбу. Но когда я возвращала ей книгу, у меня с языка слетела надменная фраза: эти женщины просто глупы. Образованные и состоятельные дамы, они разбивались в руках своих охладевших мужчин, как хрупкие безделушки. Они казались мне сентиментальными дурами, я хотела стать другой, я хотела писать истории о сильных и решительных женщинах, а не руководства для брошенных жен, пекущихся лишь об утраченном чувстве. Я была юна и полна амбиций. Мне не нравилась книжная страница, словно бы закрытая непроницаемой ставней. Меня привлекали свет и воздух, струящиеся сквозь планки жалюзи. Мне хотелось писать истории, в которых гуляют сквозняки и пылинки танцуют в рассеянных солнечных лучах. Мне нравились книги, где автор каждой строкой вынуждает тебя вглядываться в глубину и чувствовать головокружение от вида чернеющей бездны. Все это я торопливо, на одном дыхании, и выложила – прежде я себе такого никогда не позволяла, – а учительница в ответ иронично и слегка завистливо улыбнулась. Наверное, она тоже кого-то или что-то потеряла. И вот теперь, двадцать лет спустя, все это происходит со мной. Я теряю Марио, быть может, я уже его потеряла. Угрюмо бредя следом за нетерпеливым Отто, я чувствовала влажное дыхание реки и холод асфальта даже сквозь подошвы туфель.

Мне никак не удавалось успокоиться. Неужели Марио мог бросить меня вот так, без предупреждения? Подобная внезапная утрата интереса ко мне казалась нелогичной. Это же все равно что годами поливать растение, а потом оставить его погибать от палящего зноя. Я никак не могла взять в толк, как это он сам, один, решил, что мне больше не нужно его внимание. Всего-то два года назад я сказала ему, что хочу вернуться к привычному графику и найти работу, чтобы проводить хоть немного времени вне дома. Я подыскала место в небольшом издательстве, оно было мне по душе, но Марио убедил меня отказаться от этой затеи. Я пробовала втолковать ему, что хочу зарабатывать самостоятельно – пусть даже немного, совсем немного, – однако он меня отговорил, сказал, что худшее уже позади, что мы ни в чем не нуждаемся и что я могу, к примеру, опять заняться сочинительством. Я его послушала и уволилась, проработав всего несколько месяцев. И даже впервые в жизни наняла женщину для помощи по дому. Но с писательством не клеилось, я только зря тратила время на сумбурные и амбициозные попытки создать что-то стоящее. Мне было неудобно перед

помощницей, наводившей порядок в моей квартире. Это была русская гордячка, отнюдь не расположенная выслушивать упреки и замечания. От ничегонеделания, от недостатка общения и от неудач с писательством мои юношеские творческие порывы истерлись, словно старая ткань. Я уволила домработницу, мне было неприятно видеть, как она тяжело трудится за меня – за ту, которая все равно не способна целиком отдаться радости творчества. Поэтому я снова стала заниматься домом, заботиться о детях и Марио, словно убеждая себя, что это и есть мой удел. И чем же он мне отплатил?! Мой муж нашел себе другую женщину; слезы подступили совсем близко, но я не заплакала. Нужно выглядеть сильной, нужно быть сильной! Я должна не упасть в собственных глазах. Только поставив перед собой эту цель, я смогу выжить.

Спустив наконец Отто с поводка, я, дрожа от холода, села на скамейку. Мне пришли на ум несколько слов из той самой книги моей юности: я чиста я верна я всегда играю честно. Нет, сказала я себе, это слова потерпевшего крушение. Я должна запомнить, что для начала следует расставить запятые. Тот, кто говорит так, уже перешел черту, он нуждается в самовосхвалении и находится всего в шаге от поражения. И еще: этих женщин возбуждает длинный мужской член, так что в своих фантазиях они доходят бог знает до чего. Будучи девчонкой, я любила непристойности, они приближали меня к миру мужчин. Сейчас? то я понимала, что сквернословие помогает гасить вспышки ярости – конечно, если не терять при этом самоконтроля, а уж его мне не занимать. Я закрыла глаза и, обхватив голову руками, крепко стиснула веки. Новая женщина Марио. Мне она виделась зрелой, с задранной юбкой, в общественном туалете... он лапает ее потные ягодицы и засовывает пальцы ей в задницу, а потом пол становится скользким от спермы. Хватит, довольно! Я открыла глаза и свистнула, подзывая Отто: свистеть меня научил Марио. Прочь, видения, прочь, непристойности, прочь, разбитые горем женщины! Пока Отто рыскал туда-сюда, тщательно выбирая места, чтобы их пометить, все мое тело ныло от сексуального одиночества; я боялась утонуть в презрении к себе и тоске по мужу. Я поднялась, перешла дорогу и снова засвистела, поджидая, когда вернется Отто.

Понятия не имею, сколько прошло времени. Я забыла и о собаке, и о том, где нахожусь. Сама того не осознавая, я погрузилась в воспоминания о нашей с Марио любви, ощущая нежность, легкое возбуждение и обиду. Очнувшись от собственного голоса, я твердила вслух, как заклинание: “Я красива, я красива”. Затем я увидела Каррано, соседа-музыканта, который шел к нашему подъезду.

Сгорбленная под весом инструмента черная фигура на длинных ногах прошагала в ста метрах от меня – я надеялась, что он меня не заметил. Он был из тех застенчивых мужчин, что не знают меры в общении. Если они выходят из себя, то полностью теряют над собой контроль; если же они вежливы, то липнут к тебе хуже банного листа. Они с Марио частенько бранились: то из-за того, что у нас потек бачок и у соседа потолок пошел пятнами, то из-за Отто, донимавшего его своим лаем. Да и мои с ним отношения были весьма натянутыми, хотя и по другой причине. Когда мы встречались, в его глазах я замечала интерес, который меня смущал. Не то чтобы он вел себя грубо – нет, на это он был не способен. Но женщины, все без исключения, как мне кажется, возбуждали его, а неосторожные взгляды, жесты и слова выдавали его мысли. Он это понимал и, стыдясь, каким-то образом, возможно, сам того не желая, вовлекал в свой стыд и меня. Поэтому я, как могла, избегала его, мне было неприятно даже здороваться с ним.

Я смотрела, как этот седоватый, высокий, худой человек – футляр от инструмента добавлял ему росту – тяжелым шагом пересекает двор. Вдруг, вероятно, поскользнувшись, он замахал руками, чтобы удержать равновесие. Остановившись, он внимательно осмотрел правую подошву и чертыхнулся. Затем, заметив меня, пожаловался:

– Вы видели? Я испортил туфли!

И хотя в этом не было моей вины, я сразу же смущенно извинилась и сердито принялась звать Отто, будто собака могла оправдать и обелить меня перед соседом. Но Отто, мелькнув желтоватым пятном в свете уличных фонарей, вновь скрылся в темноте.

Музыкант, нервно поерзав подметкой по траве газона, опять взглянул на свою туфлю.

– Не нужно извиняться, просто выгуливайте вашу собаку в другом месте. Знаете, люди жалуются...

– Простите, обычно муж за ним следит...

– Ваш муж, вы уж извините, хам...

– Это вы сейчас ведете себя по?хамски, – с вызовом ответила я. – И вообще – не только у нас есть собака.

Он покачал головой и, широко поведя рукой в знак того, что не хочет ссориться, пробурчал:

– Скажите своему мужу, чтобы не нарывался на неприятности. Я знаю тех, кто готов разбросать тут отраву.

– Не буду я ничего говорить мужу! – воскликнула я со злостью.

И нелепо добавила, словно напоминая самой себе:

– Да и мужа у меня больше нет!

Я оставила его посреди двора и кинулась в парк, в сумрак кустов и деревьев. Я во весь голос звала Отто, словно сосед преследовал меня и пес был мне нужен для защиты. Когда, запыхавшись, я обернулась, то увидела, как музыкант в последний раз осмотрел подметки и, устало шагая, скрылся за дверью подъезда.

Глава 4

В следующие несколько дней о Марио не было ни слуху ни духу. Хотя я и старалась придерживаться определенных правил, где на первом месте был запрет на звонки общим друзьям, все равно я им постоянно названивала.

Оказалось, о моем муже никто ничего не знает: уже много дней его никто не видел. Поэтому я злорадно всем рассказала, что он бросил меня и ушел к другой женщине. Я думала огоршить знакомых этой новостью, однако мне показалось, что никто из них особо не удивился. Когда же я с деланным безразличием спрашивала, известно ли им что?нибудь о любовнице Марио – сколько ей лет, чем она занимается, живут ли они уже вместе, – то получала весьма уклончивые ответы. А один его коллега из Политеха, некий Фаррако, даже принялся меня утешать:

– Это все возраст. Марио – сорок, в его возрасте такое бывает...

Тут я не выдержала и злобно поинтересовалась:

– Правда? Значит, и с тобой такое было? Значит, такое в этом возрасте происходит со всеми без исключений? Тогда почему ты по-прежнему живешь со своей женой? А ну?ка дай трубку Леа, я ей все про тебя расскажу!

Я не хотела так поступать. Вторым правилом в списке было – не становиться мегерой. Но я ничего не могла с собой поделать, приливы крови оглушали меня, глаза жгло, как огнем. Рассудительность окружающих и мое собственное стремление к спокойствию просто бесили. Я набирала в грудь побольше воздуха – и с языка лился поток гневных фраз. Меня просто распирало от желания с кем-нибудь поцапаться, так что я разругалась сначала со всеми нашими друзьями мужского пола, а затем и с их женами и подругами. В итоге я готова была поссориться с каждым – будь то мужчина или женщина, – кто старался примирить меня с новым поворотом моей жизни.

Самой терпеливой оказалась Леа, жена Фаррако; она была настолько мудрой, понимающей, готовой помочь найти выход из сложившейся ситуации, что злиться на нее было все равно что бросать камни в по-настоящему хорошего человека. Но и тут я не смогла вовремя затормозить и скоро перестала доверять даже ей. Я внушила себе, что сразу же после наших встреч она бегом бежит к моему мужу и его любовнице, чтобы в мельчайших подробностях рассказать, что я чувствую, как справляюсь с детьми и собакой и сколько еще мне понадобится времени, чтобы принять ситуацию. Я резко оборвала наше общение, лишившись единственной подруги.

Со мной начали происходить перемены. Я перестала краситься, моя всегда прежде рафинированная, щадящая чувства других, речь наполнилась теперь сарказмом и перемежалась вспышками развязного смеха. Потихоньку, хотя я этому и противилась, я докатилась даже до сквернословия.

Непристойности давались мне легко, мне казалось, будто так я смогу убедить своих немногих знакомых, что стараюсь прийти в норму и что я не из тех, кто дает запудрить себе мозги красивыми словами. Едва я открывала рот, как мне хотелось высмеивать, бесчестить, позорить Марио и его девку. Меня раздражало, что он знает обо мне все, а я о нем практически ничего. Я

чувствовала себя слепцом, жаждущим пошпионить за своими соглядатаями. Ну как такое возможно, спрашивала я себя с нарастающей горечью, чтобы подобные Леа предатели рассказывали все обо мне моему мужу, а я даже не знала, с какой девкой он трахается? Ради кого он меня бросил? Чем она лучше меня? Во всем виноваты эти лицемеры, думала я, эти лживые друзья, которые с тобой, пока ты счастлив и свободен, но бегут прочь, как только удача отворачивается от тебя. Я видела их насквозь. Они предпочитали свежие парочки – беззаботные, гуляющие допоздна, с довольными лицами, бывающими у тех, кто только и делает, что занимается сексом. Такие люди целуются, кусаются, облизывают друг друга, чтобы насладиться вкусом члена, вагины... Теперь о Марио и его новой женщине я думала лишь в этом ключе: как и сколько они трахаются. Я думала об этом весь месяц, днем и ночью, и в плену своих мыслей совсем себя запустила – не причесывалась, не мылась. Как он ее трахает, спрашивала я себя, изнывая от невыносимой боли, как и где? Наконец испарились даже те немногие, кто все еще пытался мне помочь, – я стала просто невыносимой. Я оказалась совершенно одна, и собственное отчаяние меня пугало.

Глава 5

Я почувствовала, как внутри у меня растет чувство страха. Забота о двух детях, их ежедневные потребности и груз ответственности доводили меня до иступления. Я боялась, что больше не смогу как следует заботиться о них и, в минуты слабости или рассеянности, что-нибудь упущу. Не то чтобы Марио мне особо помогал – он всегда пропадал на службе. Но его присутствие, а точнее отсутствие, которое при необходимости могло перерасти в присутствие, меня успокаивало. Однако сейчас, когда он просто исчез – я не знала, ни где он, ни какой у него номер телефона, притом что его старый номер, по которому я постоянно названивала, не отвечал, а на работе его коллеги-сообщники говорили мне, что он то ли болен, то ли взял отгул, то ли откомандирован за границу, – я чувствовала себя боксером, который забыл, как держать удар, и теперь беззащитно кружит по рингу на трясущихся ногах.

Я жила в страхе, как бы не забыть забрать Иларию из школы, а когда посылала Джанни за покупками в ближайший магазинчик, то не находила себе места от тревоги: вдруг с ним что-нибудь приключится?.. Или, еще того хуже, боялась, что забуду о его существовании и не проверю, вернулся ли он домой.

В общем, я находилась в неуравновешенном состоянии, которое тщетно пыталась побороть с помощью самоконтроля. Все мои мысли были только о Марио: я перебирала в уме наше прошлое, меня одолевали фантазии о нем и его избраннице, я упорно старалась понять, в чем моя ошибка; с другой стороны – я отчаянно пыталась уследить за домашними делами: нужно посолить пасту, нужно не посолить пасту дважды, нужно проверить, не испортились ли продукты, нужно выключить газ.

Однажды ночью я услышала в доме шум, будто от шелестящего по полу от сквозняка листа бумаги. Перепуганный пес зашелся от лая. Хотя среди предков Отто и были волки, смелостью он не отличался.

Поднявшись, я заглянула под кровать и остальную мебель. И вдруг увидела, как нечто темное, извиваясь, выскочило из клубка пыли под ночным столиком и шмыгнуло, провожаемое собачьим лаем, из моей комнаты в детскую.

Я метнулась туда, включила свет, выволокла сонных детей из кроватей и захлопнула за нами дверь. Мой вид их напугал, поэтому я нашла в себе силы успокоиться. Я попросила Джанни принести швабру, и усердный мальчик быстро вернулся не только со шваброй, но и с совком. Илария же стала истерить:

– Я хочу к папе! Позвони папе!

Тогда я со злостью отчеканила:

– Ваш отец бросил нас. Он ушел к другой женщине – мы ему больше не нужны.

Я осторожно открыла дверь детской, хотя до ужаса боялась всех пресмыкающихся, отпихнула Отто, который хотел пробраться следом, и затворила за собой дверь.

Вот с этого и нужно начинать, сказала я себе. Долой телячьи нежности – теперь ты одна. Схватив швабру, я прошла ею под кроватями Джанни и Иларии, а затем и под шкафом. Желто-зеленая ящерица, бог знает как забравшаяся на пятый этаж, быстро прошуршала вдоль стены, стараясь найти дырку, чтобы там укрыться. Я загнала ее в угол и раздавила, навалившись всем телом на черенок швабры, а потом с отвращением вынесла эту гадину на совке из комнаты и

сказала:

– Все в порядке. Мы справились и без вашего отца.

На что Илария упрямо буркнула:

– Папа не убил бы ящерицу, а взял бы за хвост и выпустил в парке.

Джанни покачал головой, подошел поближе, осмотрел трупик, прижался ко мне и сказал:

– В следующий раз я сам ее прикончу.

Услыхав это слово – “прикончу”, – я поняла, до чего же ему плохо. Мои дети, а я знала их как никто другой, переживали объявленную мной новость – их отец ушел, предпочтя им и мне какую-то незнакомку.

Они не задали ни единого вопроса, не проронили больше ни слова. Напуганные тем, что к нам в дом из парка могут пробраться невесть какие другие твари, дети снова легли. Заснули они с трудом, а утром я увидела их совершенно изменившимися, будто они поняли, что на всем белом свете не осталось ни единого надежного места. Впрочем, я думала так же.

Глава 6

После случая с ящерицей мои и без того бессонные ночи стали сущим кошмаром. Кем я была, во что я превращаюсь? В восемнадцать я полагала себя талантливой юной девой, подающей большие надежды. В двадцать – начала работать. В двадцать два вышла замуж за Марио, и мы уехали из Италии. Поначалу мы жили в Канаде, затем в Испании, а потом в Греции. В двадцать восемь я родила Джанни; во время беременности я написала длинный неаполитанский рассказ, который год спустя охотно напечатали. В тридцать один у меня родилась Илария. А теперь, в свои тридцать восемь, я превратилась в ничто, я даже не могла вести себя как подобает. Я осталась без работы и мужа, сломленная и несчастная.

Пока дети были в школе, я то ложилась на диван, то вставала с него, то садилась, то включала телевизор. Однако не было такой программы, которая позволила бы мне забыться. Ночью я слонялась по дому и частенько заканчивала тем, что смотрела передачи, где женщины – по большей части женщины – страстно метались на постелях, как трясогузки на ветках. Они мерзко кривлялись на фоне номера телефона и титров, сулящих райские наслаждения. Или изгибались, томно постанывая приторными голосами. Глядя на них, я думала, что шлюха Марио точь?в-точь такая же – мечта или кошмар дешевого порно, и именно об этом он втайне грезил все пятнадцать лет, прожитых в браке, а я так этого и не поняла. Поэтому сначала я злилась на себя, потом на него и в конце концов принималась плакать – будто эти теледивы, постоянно мнущие свои огромные груди, облизывающие собственные соски и корчащиеся от мнимого удовольствия, являли собой зрелище, грустное до слез.

Чтобы хоть как?то успокоиться, я взяла за привычку писать до самого рассвета. Начала я с книги, которую вот уже много лет хотела довести до ума, но быстро отказалась от этой идеи. Ночь за ночью я сочиняла письма Марио, хотя и не знала его нового адреса. Я надеялась, что смогу их ему передать, и тешила себя мыслью, что однажды он их прочтет. Когда я писала, в доме стояла тишина – только Отто нервно бродил по квартире да в соседней комнате сонно дышали дети. В этих длинных письмах я старалась держаться рассудительного будничного тона. Я рассказывала ему, что хочу проанализировать наши отношения и мне нужна его помощь, чтобы понять, в чем моя ошибка. В семейной жизни полно противоречий, признавала я, именно поэтому мне необходимо докопаться до сути и разобраться, что пошло не так в нашем браке. Единственное, чего я от него требовала, – чтобы он меня выслушал и сказал, хочет ли помочь мне в этом самоанализе. То, что он не подает признаков жизни, – невыносимо, он не должен лишать меня возможности диалога, я имею право хотя бы на его внимание; и как у него только хватило духу оставить меня, раздавленную горем, в одиночестве изучать под микроскопом годы нашей совместной жизни... Неважно, писала я, кривя душой, вернется ли он ко мне и детям. Мне важно другое: понять. Почему он с такой легкостью выбросил на помойку пятнадцать лет чувств, чаяний и переживаний? Сколько лет моей жизни он отнял, разрушив все из?за минутного каприза? Какое однобокое, несправедливое решение! Сдуть прочь наше прошлое, как севшее на руку надоедливое насекомое! Ведь это не только его, но и мое прошлое, и оно сейчас распадается на части. Я просила, умоляла помочь мне понять: имели ли все эти долгие годы хоть какое?нибудь значение? И с какого момента началось разрушение? Или же все прошедшее было бесполезной тратой часов, месяцев,

лет? Но что если во всем этом отыщется некий смысл, который поможет возродить былое чувство? Мне необходимо это знать, писала я. Только разобравшись во всем, я смогу излечиться и выстоять, пускай даже живя без него. А вот так, в полной растерянности, существуя наугад, я чахну и высыхаю. Я похожу на пустую ракушку на летнем взморье.

Когда ручка впивалась в отекавшие пальцы, а глаза уже ничего не видели от слез, я подходила к окну. Я слушала то шум деревьев в парке, то гнетущую тишину ночи, слегка подсвеченной рядом уличных фонарей, сияющие венцы которых заслоняла листва. В эти долгие часы я была хранительницей горя, несущей свою вахту вместе с сонмом мертвых слов.

Глава 7

Днем же меня обуревала жажда деятельности, хотя я и становилась все более рассеянной. Я придумывала себе занятия – носилась из одного конца города в другой по пустыкам, набрасываясь на них, словно это были дела чрезвычайной важности. Из всех сил я старалась выглядеть решительной, но контролировала себя с большим трудом – под маской гиперактивности скрывалась сомнамбула.

Турин походил на крепость с железными стенами и серыми, будто замороженными, домами – даже весеннее солнце не могло согреть их. В ясные дни по улицам разливался холодный свет, от которого я покрывалась липким потом. Если я шла пешком, то постоянно наталкивалась на людей и предметы; нередко я садилась где придется, чтобы успокоиться. В машине же со мной творился истинный кошмар: я забывала, что нахожусь за рулем. Вместо дороги перед глазами возникали картины из прошлого или мои фантазии, поэтому я то мяла себе крыло, то тормозила в самый последний момент, невероятно злясь на действительность, которая словно бы лишала меня единственно важных и имевших значение воспоминаний.

В таких случаях я как фурия вылетала из кабины и, выкрикивая ругательства, скандалила с водителем машины, в которую сама же и въехала. Если за рулем был мужчина, то я орала, что у него на уме только пошлости да малолетняя любовница.

По-настоящему я испугалась лишь однажды, когда по рассеянности разрешила Иларию сесть рядом со мной. Мы ехали по проспекту Массимо д'Адзелио, где-то в районе улицы Галилео Феррариса. Накрапывал дождик, хотя и светило солнце; понятия не имею, о чем я тогда думала... может, я повернулась к ребенку проверить, пристегнута ли она, а может быть, и нет. Я помню только, как в последнюю секунду заметила красный свет и тень человека на пешеходном переходе. Человек смотрел прямо перед собой, я еще подумала, что это наш сосед Каррано. Возможно, это и был он, но без инструмента – с опущенной головой, высокий, седоватый. Я ударила по тормозам, и машина с диким визгом остановилась буквально в нескольких сантиметрах от пешехода. Илария стукнулась головой о ветровое стекло – лоб у нее побагровел, а по стеклу расплзлась паутина из трещин.

Крики, плач... Справа от меня прогремела вдоль тротуара серо-желтая машина трамвая. Оглушенная, я сидела за рулем, а Илария била меня кулачками и кричала:

– Ты глупая, ты сделала мне больно! Очень больно!

Кто-то мне что-то говорил, может, даже и сосед, если, конечно, это был он. Я встряхнулась и ответила ему что-то оскорбительное. Затем обняла Иларию, посмотрела, не идет ли у нее кровь, наорала на неумолкающие клаксоны, оттолкнула навязчивых прохожих – скопище теней и звуков. Выбралась из машины, взяла дочь на руки и отправилась на поиски воды. Перейдя через трамвайные пути, я пошла было к серому общественному туалету, на котором виднелось стародавнее граффити “Дом фашизма”, но потом передумала и повернула обратно. С кричащей Иларией на руках я присела на скамейку у трамвайной остановки, резкими жестами отгоняя от себя назойливые голоса и тени. Успокоив ребенка, я решила ехать в больницу. Помню, что в тот момент я думала только об одном: кто-нибудь обязательно сообщит Марио об этом случае с дочкой, и он наконец-то объявится.

Но Илария оказалась невредимой, не считая того, что какое-то время у нее на лбу красовалась фиолетовая шишка, которую она с гордостью всем показывала; короче, волноваться было не о чем, и уж тем более – ее отцу, если, конечно, его вообще поставили в известность. Единственное неприятное воспоминание о происшествии – та самая моя мысль, доказательство крайней степени отчаяния: подсознательное желание использовать ребенка для возвращения Марио, повод сказать ему – видишь, что может случиться, когда тебя нет? Теперь до тебя

дошло, в какую пропасть ты толкаешь меня день за днем?

Я стыдилась самой себя, но все равно думала только о том, как заполучить мужа обратно. Вскоре мной овладела навязчивая идея: надо увидеть его, объяснить, что я больше так не могу, показать, во что я без него превратилась. Я была уверена, что в ослеплении чувств он не понимает, в каком положении мы очутились. Он?то небось думает, что мы себе спокойно живем так же, как и раньше. Может быть, он даже полагает, что нам стало легче – я уже не должна заботиться о нем, да и детям теперь меньше достается: никто не ругает Джанни, когда он лупит сестру, и никто не журит Иларию, когда она досаждаёт брату, так что все мы четверо живем – я и ребята в одном месте, а он в другом – в счастье и согласии. Нужно, говорила я себе, открыть ему глаза. Если бы он увидел нас, посмотрел, во что превратилась наша квартира, осознал, какой стала наша жизнь – беспорядочной, беспокойной, напряженной, как натянутая проволока, впивающаяся в тело, – если бы он прочитал мои письма и понял, какой серьезный труд я проделала, чтобы выявить проблемы в наших отношениях, он бы сразу вернулся домой.

Знай Марио, в каком положении мы окажемся, он никогда бы нас не бросил! Даже весна во всем ее великолепии – наверняка она представлялась ему чудесным временем года, где бы он сейчас ни находился, – принесла нам одни неприятности и мучения. Казалось, днем и ночью парк всеми своими ветвями и листьями наступает на наш дом, чтобы поглотить его. Отто просто бесился от цветочной пыльцы, которая была в квартире повсюду. У Иларии отекали веки, у Джанни вокруг ноздрей и за ушами появилась сыпь. Да и сама я, вялая и отупевшая от усталости, частенько засыпала в десять утра и с трудом поднималась, чтобы успеть забрать детей из школы. Я даже стала приучать их возвращаться домой одних – боялась, что могу проспать.

С другой стороны, этот утренний сон, который раньше казался признаком нездоровья, доставлял мне удовольствие, я ждала его с нетерпением. Иногда меня будил звонок в дверь. Это были дети, которые простояли на лестничной площадке бог знает сколько времени. Однажды, когда я долго не открывала, Джанни сказал:

– Я подумал, что ты умерла.

Глава 8

В один из таких дней я вдруг проснулась, как от укола иглы. Сначала я подумала, что пора бежать за детьми, и посмотрела на часы – было еще рано. Но тут до меня дошло, что звонит мобильный телефон. Я раздраженно ответила – теперь я со всеми разговаривала исключительно сварливым голосом. Это оказался Марио, и потому я сразу же сменила интонацию. Он сказал, что звонит на сотовый, потому что дозвониться на городской невозможно: он много раз пытался, но в трубке слышались только свист да далекие чужие разговоры. Меня растрогали сам звук его голоса, мягкий тон и то, что он вообще есть на белом свете. Прежде всего я сказала:

– Я не нарочно подложила осколок тебе в еду. Это вышло случайно – я просто разбила бутылку.

– Да брось, – ответил он, – это я вспылал не к месту.

Марио объяснил, что ему пришлось срочно уехать по работе (он был в Дании – поездка вышла интересной, но утомительной), и спросил, можно ли зайти вечером, чтобы повидать детей и забрать кое-какие книги и, в первую очередь, рабочие записи.

– Конечно, – ответила я, – это же и твой дом.

Как только я положила трубку, идея поразить его шаткостью нашего положения и беспорядком в квартире перестала казаться мне такой уж привлекательной. Я на совесть убрала все комнаты, приняла душ, высушила волосы, а затем, не удовлетворенная результатом, снова вымыла голову. Тщательно накрасившись, я надела легкое летнее платье, которое мне подарил Марио и которое ему нравилось. Я привела в порядок руки и ноги... особенно ноги, потому что я стеснялась их, они казались мне какими-то шершавыми. Я продумала каждую мелочь. Я даже заглянула в блокнот – и с досадой обнаружила, что у меня вот-вот начнутся месячные. Хорошо бы им задержаться!

Когда дети вернулись из школы, они раскрыли рты от удивления. Илария сказала:

– Какое все чистое, и ты тоже. Ты такая красивая!

Однако их радость быстро улетучилась. Они настолько привыкли к беспорядку, что возвращение к былому укладу обоих насторожило. Мне с трудом удалось уговорить их пойти в душ и вымыться, как перед праздником. Я сказала им:

– Вечером придет ваш отец – давайте сделаем так, чтобы он больше не уходил.

Илария объявила, словно бы угрожая:

– Я все ему расскажу про шишку.

– Да рассказывай, что хочешь.

Джанни спросил взволнованно:

– А можно я скажу ему, что после его ухода я все время делаю ошибки в домашке и мне ставят плохие отметки?

– Конечно, – поддержала его я, – вы можете рассказать ему абсолютно все. Расскажите, как он вам нужен, попросите его сделать выбор: вы или та новая женщина!

Ближе к вечеру я опять приняла душ и накрутилась; я все больше нервничала и только и делала, что кричала из ванной на детей, которые носились по квартире и разбрасывали повсюду свои вещи. Чувствуя себя препаршиво, я думала: господи, весь подбородок и лоб в прыщах – ну почему мне вечно не везет?

Тут мне пришло в голову надеть сережки, принадлежавшие еще бабушке Марио, – она ими очень дорожила, да и его мать проносила их всю свою жизнь.

Это была очень ценная вещь; за пятнадцать лет муж позволил мне надеть их один-единственный раз – на свадьбу его брата, но даже тогда решение далось ему с превеликим трудом. Он относился к серьгам так ревностно не потому, что опасался, что я их потеряю или их украдут, и не потому, что был жаден. Я думаю, он боялся, увидев на мне это украшение, утратить некие свои детские или подростковые фантазии и воспоминания.

И я решила раз и навсегда дать ему понять, что я и есть воплощение его фантазий. Я взглянула на себя в зеркало: несмотря на синяки под глазами и желтоватый цвет лица – тут даже тональный крем оказался бессилён, – я все еще была красива, точнее сказать, очень хотела быть красивой любой ценой. Мне не доставало лишь уверенности. Моя кожа не потеряла упругости. Я не выглядела на свои тридцать восемь. Если я сумею скрыть от себя самой, что из меня высосали все соки, подобно тому как на операционном столе из человека откачивают кровь, слюну и слизь, возможно, мне удастся обмануть и Марио.

Внезапно у меня резко испортилось самочувствие. Веки отяжелели, поясница заныла, к глазам подступили слезы. Заглянув в трусы, я увидела на них пятна крови. Я так громко выругалась на своем родном диалекте, что испугалась, как бы меня не услышали дети. Я снова приняла душ и переоделась. Наконец в дверь позвонили.

Это меня взбесило: хозяин повел себя как чужак, решил не пользоваться своими ключами – вероятно, хотел подчеркнуть, что явился сюда как гость. Первым, радостно лая и свесив набок язык, к входной двери огромными прыжками кинулся Отто. За ним поспешал Джанни; он открыл дверь и застыл на пороге. За спиной брата, хихикая и блестя глазами, пряталась Илария. Я же осталась стоять в коридоре, неподалеку от кухни.

Марио вошел, нагруженный пакетами. Я не видела его ровно тридцать четыре дня. Он казался помолодевшим, ухоженным, даже отдохнувшим. У меня так сильно свело желудок, что я едва не потеряла сознание. Ничто в его облике не говорило о том, что ему нас не хватает. В то время как я несла на себе – я это поняла по его испуганному взгляду – все тяготы расставания, он не мог скрыть своего довольства жизнью, а быть может, и счастья.

– Дети, оставьте папу в покое, – сказала я притворно веселым голосом, когда Джанни и Илария, распаковав подарки, принялись вешаться ему на шею, целовать его и соперничать друг с другом за отцовское внимание. Но меня никто не послушался. Раздраженная, я стояла в углу, пока Илария примеряла платье, подаренное Марио, а Джанни играл в коридоре с радиоуправляемой машинкой, за которой с лаем носился Отто. Постепенно я дошла до той точки кипения, когда бурлящая вода выливается на конфорку из огромной кастрюли. Я терпеливо ждала, пока дочка красочно расписывала свою шишку и мои

прегрешения – а Марио целовал ее в лоб и уверял, что это пустяки; пока Джанни во всех подробностях рассказывал о сложностях с учебой и громко зачитывал свою работу, замужнюю учительницей, – а отец нахваливал его и успокаивал. Настоящая семейная идиллия! Наконец мое терпение лопнуло, я силком затолкала ребят в детскую и захлопнула за ними дверь, пригрозив, что накажу их, если они посмеют высунуть оттуда нос. Попыталась было придать своему голосу чарующие нотки, с треском эту попытку провалила и громко закричала:

– Вот оно, значит, как?! Ну что, хорошо развлекся в Дании? Любовницу?то с собой прихватил?

Он покачал головой, выпятил губы и приглушенным голосом ответил:

– Если не прекратишь, я заберу свои вещи и сейчас же уйду.

– Я просто спросила, как ты съездил. Что, уж и спросить нельзя?

– Не таким тоном.

– Да? А какой у меня тон? Каким тоном я должна с тобой разговаривать?

– Да нормальным тоном.

– А ты нормально со мной поступил?

– Я влюбился.

– Правда? Я тоже. Много лет назад. В тебя. Но ты унижил меня и продолжаешь унижать.

Марио потупился; он выглядел по-настоящему расстроенным, и это меня тронуло. В моем голосе появилась нежность – тут уж я ничего не могла с собой поделать. Я сказала, что понимаю его положение, понимаю, что он запутался; но и я – мямлила я, делая длинные паузы, – когда пыталась привести мысли в порядок, пыталась понять его и терпеливо переждать, пока утихнет буря, тоже иногда терялась, тоже иногда опускала руки. И, в качестве знака своей доброй

воли, я достала из кухонного ящика связку писем и торжественно вручила ему.

- Посмотри, какой труд! – сказала я. – Здесь изложены мои доводы и стремление понять твои. Прочти.

- Сейчас?

- Почему бы и нет?

Он неохотно развернул первое письмо и пробежал глазами несколько строчек, а затем взглянул на меня:

- Я прочту их дома.

- Дома? Это еще где?

- Ольга, перестань! Дай мне время, прошу тебя, не думай, что мне легко...

- Уж не труднее, чем мне.

- Ты не права. Я будто проваливаюсь в пропасть. Меня пугают часы, минуты...

Если честно, не помню, что именно он говорил. Кажется, он сказал, что когда люди живут вместе и спят в одной кровати, тело партнера превращается в часы, в “счетчик”, да, вот какое выражение он употребил, “счетчик, который торопливо отмеряет жизнь, создавая ощущение тревоги”. Мне показалось, что он хотел сказать что-то еще, однако и того, что я уже услышала, хватило с избытком. Нарочито, подчеркнуто вульгарно – он было попробовал возразить против такого тона, но быстро умолк – я прошипела:

- Так ты хочешь сказать, что боялся меня? Рядом со мной чувствовал себя стариком? Смерть себе отмерял по моей заднице – раньше, мол, она была крепкой, а вот теперь?.. Ты это хотел сказать?

- Там дети...

– Дети там, дети сям... А где я? Где мое место? Я хочу знать! Если ты живешь с ощущением тревоги, то с чем живу я? Читай, читай эти письма! Я все никак не могу их закончить! Не могу понять, что с нами произошло!

Он с отвращением посмотрел на листки.

– Будешь думать только об этом – никогда и не поймешь.

– Да? А как я могу думать о чем-то другом?

– Тебе нужно отвлечься.

У меня опять резко свело живот, мне до ужаса захотелось узнать, ревнует ли он меня? Влечет ли его еще мое тело? Смирится ли он, если у меня появится другой?

– А я и так отвлекаюсь. – Я постаралась, чтобы в моем голосе прозвучало самодовольство. – Я вовсе не зациклена на одном только ожидании. Я пишу, стараюсь понять, размышляю. Но делаю я это ради себя и детей, а не чтобы доставить тебе удовольствие. Еще чего! Ты вообще по сторонам-то посмотрел? Заметил, как нам хорошо втроем? А меня заметил?

Подав вперед грудь и качнув серьгами, я насмешливо продемонстрировала мужу сначала один, а потом второй свой профиль.

– Ты выглядишь хорошо, – неуверенно произнес он.

– Не просто хорошо, а чертовски хорошо! Да вон хоть у нашего соседа Каррано спроси!

– У этого шута горохового?

– Он музыкант.

– Ты с ним встречаешься? – неохотно поинтересовался Марио.

подавив всхлип, я засмеялась.

- Да, я с ним встречаюсь. Встречаюсь, как и ты со своей любовницей.

- Но почему именно с ним? Такой неприятный тип!

- Мне с ним трахаться, не тебе!

Крепко растерев себе лицо ладонями, он глухо пробормотал:

- Ты делаешь это и при детях?

Я улыбнулась.

- Трахаюсь?

- Нет, так выражаешься.

И тут я слетела с катушек и заорала:

- Выражаюсь?! Я выражаюсь?! Да пошел ты в жопу со своей вежливостью! Ты меня унижил, ты меня растоптал, а я должна выражаться, как примерная жена? Ну ты и мудака! Какими словами назвать то, что ты сделал и продолжаешь делать со мной? Какими словами назвать то, чем ты занимаешься со своей девкой? Ну же, давай! Ты лижешь ей щелку? Трахаешь в задницу? Вытворяешь то, чего не позволял себе со мной? Говори! Потому что я все равно вас вижу. Вижу вот этими самыми глазами все, что вы делаете вместе, я видела это сотни тысяч раз днем и ночью, во сне и наяву! Но оказывается, чтобы не задеть чувства синьора и его детей, я должна выражаться литературно! Должна быть изысканной! Элегантной! А ну вали отсюда! Выметайся, говнюк!

Он быстро вскочил, вбежал в свой кабинет, сунул в сумку книги и тетради, задержался ненадолго у компьютера, достал из стола коробку с дискетами и еще какие-то вещи...

Я, набрав в грудь побольше воздуха, ринулась за ним. В голове у меня теснилась уйма возражений. Мне хотелось закричать: не смей ничего трогать; ты работал

над всем этим вместе со мной – я заботилась о тебе, ходила по магазинам, готовила, убирала, это все принадлежит и мне тоже, оставь все тут! Но я испугалась – и того, что уже было сказано, и того, что я только собиралась сказать. Мне стало страшно: вдруг он меня возненавидит и на самом деле уйдет навсегда?

– Марио, прости, пожалуйста, иди сюда, давай поговорим... Марио! Я просто слегка нервничаю...

Оттолкнув меня, он подошел к двери, открыл ее и сказал:

– Мне пора. Но я еще приду, будь уверена. Приду ради детей.

Уже на пороге он внезапно приостановился и добавил:

– Не надевай больше эти серьги. Они тебе не подходят.

А затем исчез, даже не закрыв за собой дверь.

Я с силой ее захлопнула, но она была настолько старой и расшатанной, что, ударившись о косяк, открылась снова. Тогда я навалилась на нее всем телом и нажимала до тех пор, пока не щелкнул замок. Потом, в сопровождении встревоженного пса, я выскочила на балкон. Я подождала, пока Марио выйдет во двор, и отчаянно завопила:

– Скажи хотя бы, где ты живешь, или оставь свой номер телефона! Как мне тебя найти, если дети заболеют...

Он даже не оглянулся. Вне себя от гнева, я исходила криком:

– Скажи, как зовут твою шлюху! Она хоть красивая? Сколько ей лет?

Марио сел в машину и завел мотор. Автомобиль скрылся под сенью дворовых деревьев, затем появился, чтобы исчезнуть снова.

– Мама, – позвал меня Джанни.

Глава 9

Я обернулась. Дети выглядывали из-за двери своей комнаты, но боялись переступить ее порог. Вероятно, видок у меня был еще тот, так что они предпочли испуганно наблюдать за мной с безопасного расстояния.

Ребята показались мне какими-то странными, я даже подумала, будто они, подобно героям рассказов о привидениях, способны видеть невидимое. Может быть, рядом со мной стояла неподвижная, как надгробное изваяние, бедняжка – брошенная жена из моих детских воспоминаний. Она явилась в Турин из Неаполя, чтобы схватить меня за подол, прежде чем я брошусь вниз с пятого этажа. Она-то знала, как я хотела залить мужа слезами холодной испарины и крови и прокричать: “Останься!” И тут я вспомнила, как поступила сама бедняжка. Однажды вечером она приняла яд. Моя мать шептала двум своим работницам – блондинке и брюнетке: бедняжка вбила себе в голову, что муженек раскается и примчится к ее смертному одру просить прощения. Однако он благоразумно остался в стороне – вместе с любимой женщиной. И моя мать смеялась горьким смехом над этой и другими горькими историями. У брошенных жен больше не блестели глаза, брошенные жены умирали заживо. Так она говорила, пока кроила платье или подгоняла их прямо на своих клиентках, которые даже в конце шестидесятых предпочитали шить одежду на заказ. Сплетни, пересуды, шитье – я была внимательным слушателем. Желание писать рассказы пришло ко мне именно там – под столом, где я играла. Неверный муж, сбежавший в Пескару, не объявился даже тогда, когда его жена по собственной воле оказалась между жизнью и смертью и соседям пришлось вызывать скорую, чтобы отвезти ее в больницу. Эти слова навсегда врезались мне в память. Балансировать между жизнью и смертью – как канатоходец. Слушая взрослые разговоры, я, не знаю почему, представляла себе, как ради любви к своему мужу бедняжка распласталась на лезвии меча, а его острие, порвав платье, вонзилось ей в кожу. После больницы она стала еще более жалкой, и под платьем у нее теперь был темно-красный шрам. Соседи избегали ее – они не знали, ни как себя вести, ни что сказать.

Я встряхнулась, и меня снова охватило негодование, мне хотелось придавить Марио всем своим весом, хотелось неотступно следовать за ним. На следующий день я решила снова обзвонить старых друзей, чтобы наладить с ними отношения. Но телефон не работал, тут Марио не соврал. Из трубки доносились

невыносимый свист и далекие голоса.

Пришлось взяться за мобильник. Методично, одного за другим, я обзвонила всех знакомых и притворно мягким тоном постаралась убедить их в том, что я уже успокоилась и пытаюсь свыкнуться с моим новым положением. У тех, кто был не прочь поговорить, я пробовала выведать что-то о Марио и его новой пассии, делая вид, будто мне все и так известно, но очень уж охота об этом поболтать, чтобы выпустить пар. Большинство отвечали односложно, догадываясь о моем хитроумном плане. Однако некоторые, не сдержавшись, рассказали мне кое-какие подробности: у любовницы моего мужа “фольксваген” цвета металлик; она всегда носит ужасные красные сапоги; она – выцветшая блондинка неопределенного возраста. Леа Фаррако оказалась наиболее словоохотливой. Она не сплетничала, тут стоит отдать ей должное, а просто поведала то, что знала. Видеть она их не видела. О женщине толком сказать ничего не может. Однако ей известно, что живут они вместе. Точного адреса Леа не знает, но ходят слухи, что обосновалась парочка где-то в районе проспекта Брешиа – да-да, именно там, на проспекте Брешиа. Они забрались так далеко, в такое непопулярное место, потому что Марио не хочет ни с кем встречаться, особенно со старыми друзьями из Политеха.

Я надеялась узнать у нее что-нибудь еще, но, как назло, мобильный, который я уже сто лет не заряжала, перестал подавать признаки жизни. Я принялась лихорадочно рыскать по дому в поисках зарядки, но так ее и не нашла. Накануне, готовясь к приходу Марио, я наводила всюду лоск и, вероятно, сунула зарядку в какое-то надежное место, но куда именно, вспомнить не могла. Тут у меня случилась одна из моих вспышек ярости, Отто зашелся в лае, и я, чтобы не запустить телефоном в собаку, пульнула им в стену.

Аппарат разбился надвое; обломки упали на пол с глухим стуком, и Отто, громко рыча, набросился на них так, будто они были живые. Успокоившись, я вернулась к городскому телефону – и опять услышала протяжный свист и отдаленные голоса. Но вместо того чтобы положить трубку, я машинально, привычным движением набрала номер Леа. И вдруг свист прекратился и пошли гудки – чудеса техники!

Второй раз можно было и не звонить. Подходящий момент был упущен: теперь Леа отвечала довольно уклончиво. Наверняка ее разбранил муж, или же она сама пожалела, что невольно усложнила и без того непростую ситуацию. С дружеским участием она сказала, что больше ей ничего не известно. Марио она

давно не видела, и ей нет дела до его новой подруги: она не знает ни ее возраста, ни места работы. Что же до их адреса – проспект Брешиа, – то это только так, приблизительно: на самом деле это может быть и проспект Палермо или улица Терамо либо Лоди, трудно сказать, в том районе сплошные названия городов! И да, ей показалось странным, что Марио забрался в такую даль. Она посоветовала мне отпустить ситуацию – время, мол, расставит все по своим местам.

Однако это не помешало мне тем же вечером, как только дети уснули, сесть в машину и до часу-двух ночи кружить по проспектам Брешиа и Палермо. Ехала я медленно. Эта часть города показалась мне какой-то растерзанной, раненой, точно рассеченной поблескивающими трамвайными путями. Черное небо с выделявшейся на нем тонкой, изящной стрелой подъемного крана давило на низкие дома, залитые тусклым светом уличных фонарей, словно днище неумолимо опускающегося поршня. Ветер забрасывал сушившиеся на балконах белые и голубые простыни на серые тарелки антенн. Припарковавшись, я с яростным упрямством принялась бродить по улицам. Я надеялась встретить Марио с его любовницей. Я мечтала об этом. Я думала застать их врасплох, когда они выйдут из “фольксвагена”, возвращаясь из кино или ресторана, веселые, как мы с ним когда-то, еще до рождения детей. Но нет, ничего – одни только пустые машины, закрытые магазинчики да пьяный, прикорнувший в закутке. Отремонтированные здания соседствовали с полуразрушенными, из которых доносилась чужеземная речь. На низеньком домике с черепичной крышей я прочитала желтую надпись: “Сильвано – свободен”. Свободен он, свободны мы, свободны все. Отвращение к мукам, сковывающим нас, вереницы тяжких судеб. Я обессиленно прислонилась к синей стене какого-то дома на улице Алессандрии с высеченной на нем надписью “Приют принца Неаполитанского”. Так вот куда я попала: я словно услышала громкий южный говор, в сознании у меня слились воедино далекие города, синяя гладь моря и белизна Альп. Бедняжка с площади Мадзини тридцать лет тому назад тоже опиралась, как я сейчас, о стену дома, задыхаясь от отчаяния. Как и она, я не могла найти утешения в протесте, в мести. Если Марио уединился со своей любовницей в одном из этих зданий – скажем, вот в этой громадине с надписью “Алюминий” над входом, что смотрит на просторный двор и вся усеяна балконами, на каждом из которых красуются полотнища постельного белья, – то свое счастье быть вместе они наверняка спрятали от нескромных соседских взглядов как раз за такими вот тряпками, и я ничего, ничего не могу с этим поделать, как бы мне, страдавшей от горя и боли, ни хотелось отшвырнуть прочь эту скрывавшую их ширму и показаться им, чтобы мое несчастье накрыло их с головой.

Я долго бродила по темно-фиолетовым улицам в безрассудной уверенности (в той беспочвенной уверенности, которую именуют предвидением – фантастической реализацией наших подсознательных желаний), что они непременно где-то рядом: за дверью, за углом, за окном... а может, они уже заметили меня и теперь ухмыляются, как довольные содеянным преступники.

Так ничего и не узнав, я вернулась домой около двух, совершенно разбитая и разочарованная. Припарковавшись, я подошла к дому и увидела силуэт Каррано – он как раз подходил к подъезду. Футляр торчал из-за его покатых плеч, словно шило.

Мне захотелось окликнуть его, одиночество тяготило меня. Мне нужно было поговорить с кем-нибудь, поссориться, закричать. Я ускорила было шаг, чтобы догнать соседа, но он исчез за дверью. Даже побеги я за ним – на это у меня не хватило бы духу, мне казалось, что тогда провалится асфальт, и уйдет под землю парк со всеми деревьями, и исчезнет куда-то черная гладь реки, – все равно я бы не успела нагнать его до того, как он шагнул бы в лифт. Но я все-таки совсем уже собралась сорваться с места, когда увидела что-то на земле, прямо под уличным фонарем.

Я наклонилась: это оказалось водительское удостоверение в пластиковой обложке. С него на меня смотрело лицо музыканта. Тут он был намного моложе: Альдо Каррано из маленького городка на юге. По дате рождения я поняла, что в августе ему исполнится пятьдесят три. Вот теперь у меня был убедительный предлог, чтобы позвонить в его дверь.

Положив документ в карман, я вошла в лифт и нажала цифру четыре.

Лифт медленнее, чем обычно, пополз вверх, от его шума среди полнейшей тишины у меня сильнее забило сердце. Но когда кабина остановилась на четвертом этаже, меня охватила паника; не потратив ни секунды на колебания, я нажала на пятерку.

Домой, немедленно домой. А вдруг дети проснулись? Вдруг они ищут меня сейчас в пустой квартире? Права Каррано подождут и до завтра. К чему стучаться к незнакомому человеку в два часа ночи?

Клубок обид, желание отомстить и необходимость протестировать силу унижения собственного тела лишили меня остатков здравого смысла.

Да, домой.

Глава 10

На следующий день, немного посопротивлявшись, Каррано вместе с его правами канул в небытие. Стоило детям уйти в школу, как я заметила, что наша квартира буквально кишит муравьями. Такое случалось каждый год с наступлением летней жары. Насекомые плотными рядами ползли из окон, с балкона, вылезали из-под паркета, снова там укрывались, а потом маршировали на кухню – к сахару, к хлебу и к джему. Учувяв их, Отто лаял как сумасшедший и, сам того не желая, разносил муравьев по квартире на своей шерсти.

Я побежала за тряпкой и хорошенько протерла пол во всех комнатах. Разбросала лимонные корки там, где, как мне показалось, насекомых было больше всего. И, ужасно нервничая, стала ждать. Как только муравьи вернулись, я отметила все места, где они проникали в квартиру, все входы в бесчисленные тайнички и выходы из них – и засыпала их тальком. Когда же я убедилась, что ни тальк, ни лимон не помогают, то решила воспользоваться химическими средствами, хотя и беспокоилась за Отто, который привык лизать все подряд, не разбираясь, съедобно это или нет.

Порывшись в кладовке, я нашла нужный баллончик, внимательно прочитала инструкцию, заперла Отто в детской и распысила отраву по всем углам. Мне было не по себе, потому что казалось, будто баллончик – это продолжение моего тела, а распыскиваю я скопившуюся во мне желчь. Затем я немного подождала, стараясь не обращать внимания на лай Отто, царапавшего дверь, и вышла на балкон, чтобы не дышать ядовитыми парами.

Балкон выступал над пустотой, как трамплин в бассейне. Жара опустилась на неподвижные деревья в парке, сдавила голубую полоску По, серые и синие суденышки, арочные своды моста принцессы Изабеллы. Внизу я заметила Каррано, который, нагнувшись, кружил по двору, вероятно, в поисках своего удостоверения. Я закричала:

– Синьор! Синьор Каррано!

У меня всегда был тихий голос, я просто не умела кричать. Произнесенные мною слова падали недалеко, как камешек, брошенный рукой ребенка. Я хотела сказать ему, что документ у меня, но он даже не обернулся. Так что я молча стояла и наблюдала за ним с пятого этажа – худой, но широкий в плечах, густые волосы тронуты сединой.... Внутри меня нарастала глухая неприязнь к соседу, и это чувство становилось все сильнее по мере того, как я отдавала себе отчет в его беспочвенности. Кто знает, сколько секретов у этого одиночки, у этого самца, одержимого сексом. Может, он, несмотря на приличный возраст, кичится своим членом. Да-да, наверняка он не видит ничего дальше своей паршивой спермы и радуется, что его малыш все еще встает, подобно тому как поднимаются поникшие листья засохшего растения, которое наконец-то полили. С теми женщинами, что ему подворачиваются, он груб и тороплив, его единственная задача – набрать как можно больше очков, как на стрельбище. Попасть в красную вагину – его главную цель, заключенную в концентрические круги. Лучше, конечно, если мочалка молодая и свежая, с упругой задницей... Приписывая ему эти мысли, я вздрагивала от злости, как от электрических разрядов. Очнулась я только тогда, когда, посмотрев вниз, поняла, что темная фигура Каррано больше не маячит во дворе.

Когда я вернулась в квартиру, едкий запах немного выветрился. Убрав черные муравьиные останки, я, сжав зубы, снова вымыла пол и пошла выпустить отчаянно завывавшего Отто. И с ужасом обнаружила, что теперь муравьев полно и в детской.

Стройные настойчивые шеренги появлялись из-под плохо пригнанных плашек старого паркета – черные отряды в состоянии отчаянной паники.

Выхода у меня не было, и я снова принялась за работу, однако теперь делала все нехотя, подавленная ощущением неотвратимости. Чем дольше я смотрела на эти муравьиные толпы – пример жизнестойкости, которая, не зная преград, с неутомимым усердием преодолевает любое препятствие, – тем хуже я себя чувствовала.

Распылив химикат в детской, я пристегнула к ошейнику Отто поводок, и пес, высунув язык, поволок меня вниз по лестничным маршам.

Глава 11

Во дворе Отто рванул вперед – сбруя ему явно мешала. Я миновала обрубок зеленой подложки, которая так нравилась Джанни. Углубилась в туннель, весь исписанный непристойностями, и вышла из него к сосновому леску. В этот час женщины – небольшие группки болтливых мамаш – или укрывались в тени деревьев (окруженные со всех сторон колясками, они напоминали поселенцев на Диком Западе), или присматривали за малышами, что галдели невдалеке, играя в мяч. Большинство этих женщин терпеть не могли собак без поводка. Они проецировали свои страхи на животных, боялись, что те покусают детей либо загадят площадку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.me/ru/elena-ferrante/dni-odinochestva>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)